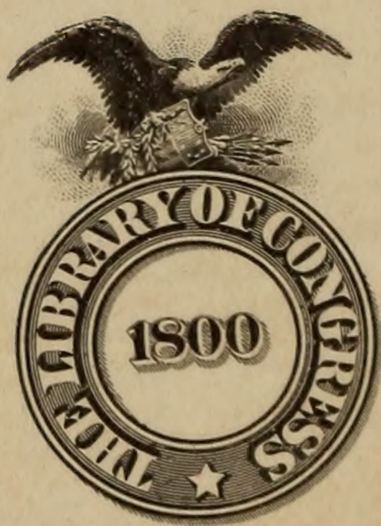
МАЛОРОССІЙСКІЯ

ПРИКАЗКИ

Е. Гребенки.

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Hrebinka, Ievhen Pavlovych.
"Malorossiĭskiia prikazki."

МАЛОРОССІЙСКІЯ

ПРИКАЗКИ

Е. Гребенки.

Изданіе второе.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

1836.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ, три экземпляра. Санктпетербургъ, 20 Декабря 1835 года.

Ценсоръ П. Корсаковъ.

ДОБРЫМЪ

МОИМЪ ЗЕМЛЯКАМЪ

И

ЛЮБИТЕЛЯМЪ

МАЛОРОССІЙСКАГО СЛОВА.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Долгомъ поставляю извѣстить почтеннѣйшихъ читателей, что содержаніе нѣкоторыхъ приказокъ взято мною изъ Басенъ Крылова и другихъ въ семъ родѣ Писателей, и что въ орѳографіи я слѣдовалъ способу, принятому нашимъ извѣстнымъ Поэтомъ Гулакомъ-Артемовскимъ.

I.

ЦАПЪ.

Мабуть нема уже на свити правды!
Мабуть вона уже за море утекла.
Чимъ я одъ Муцыка поганьшый справди?
А пани те щеня учора прывезла,
Сіогодни вже іому и дзвоныкъ почепылы.
Да якъ моторно винъ бряжчить,
Якъ муцыкъ, бублычкомъ задравшы хвистъ, бижыть,
Та гавкае на мыръ, що сылы!
Такъ навиженный Цапъ на ввесь окилъ гукавъ.
Хозяинъ ричь таку почувшы:
(А по-цапыному винъ де-що розмышлявъ)
Іому дзвинокъ на шыю намотавъ.
Здуривъ скаженый Цапъ, рижкы назадъ загнувшы,
Махнувъ боридкою, замекавъ, заскакавъ
И геть-то честію такою запышнывся,
Да швыдко ставъ ій и не радъ:
Бо тилько Цапъ стрыбне у паньській садъ,
На шыи дзвинъ дзень, дзень! народъ заворушывся
И гостя въ тры-шыя въ кошару мусять гнать.
Прыйшлось бидаси пропадать.
Пройшло іому те время, що бувало
Майнувъ де здумавшы, куды-бъ-то ни попало,
Поивъ, пообгрызавъ и слидъ пропавъ,
А выбига и долынки и горы,
Де бувъ — то пожывывсь; нихто того не знавъ.
Эге, я правду вамъ казавъ:
Нащо було Паньку прохаться въ Прокуроры.

II.

ЛЕБЕДЬ И ГУСЫ.

На стави пышно Лебедь плывъ,
А Гусы сирые крый iого порыналы.
« Хиба отцей билякъ васъ зъ глузду звивъ? »
— Одынъ гусакъ загомонивъ —
«Чого вы, братця, такъ баньки повытрещалы?
«Мы попеласти вси, а винъ одынъ межъ насъ
«Свое пендючыть пирье биле!
«Колы-бъ вы тилько захотилы,
«Щобъ разомъ стало-быть, вся беседа взялась,
«Мыбъ паныча сiого якъ-разъ перемастылы.»
И завелась на стави геркотня,
Гусыне дило закипило;
Таскають грязь и глей зо-дна,
Да мажуть Лебедя, щобъ пирье посирило.
Обмазалы кругомъ — и галасъ трохи стыхъ;
А Лебедь плысь на дно — и выпурнувъ якъ снигъ.

III.

ЯЧМЕНЬ.

Сынъ.

Скажы мени, будь-ласкавъ, тату!
Чого ячминь нашъ такъ порисъ,
Що колоскивъ прямихъ я бачу тутъ багато,
А де-яки зовсимъ схилылыся упызъ?

Мовъ мы неграмотни передъ велыкимъ Паномъ,
Мовъ передъ судовимъ на стійци козаки.

Батько.

Отти прямыи колоски
Зовсимъ пустисеньки, ростуть на ныви даромъ,
Котры жъ поклякнулы — то Божа благодать,
Ихъ гне зерно, воны насъ мусять годовать.

Сынъ.

Того жъ-то голову до неба зволыть драть
Нашъ пысарь волостный, Оныcько Харчовытый,
Ажъ винъ, бачу....

Батько.

Мовчы! почують, будешь бытый.

IV.

ЗУЗУЛЯ ТА СНИГЫРЪ.

На дуби сыдючы, Зузуля куковала:
«Що за годы теперъ, зовсимъ неможна жыть!
Одколы якъ тепло вже стало,
А гусени нема, червы зовсимъ такъ мало.
Прыйшлось изъ голоду хочъ у кулакъ трубыть.»
—«На що вамъ такъ квилыть? Мій Боже мылый!»
Снигырь зузулю перебывъ:
«Колы бъ я мавъ вашъ станъ и сылы,
Отцю я погань бы не ивъ,
Щобъ сей да той мене, колы бъ я недоскочывъ
Соби що-дня шматокъ мьясця.

Отъ кобецъ — меньшый васъ, а исты якъ захоче:
Летыть—и душыть горобця.
За-те винъ зъ голоду николы ненудывся»
—«Дурный! дурный! а въ школи вчывся!»
Зузуля Снигыру въ одвитъ:
«Замисто горобця я зъимъ жукивъ десятокъ
Да гусени, червы, десяткивъ тры въ наддатокъ,
И все-таки наимсь; — за те спытай ввесь свитъ,
Яка Зузуленька? Вси скажуть: птыця славна,
Жыве соби, якъ панна,
Гуляе у садку, ничого не псуе,
По гилечкамъ намыстечко куе,
Да скилько литъ кому прожыть вищуе;
Нехай же здумаю.... да що тоби-й-казать!
Хочь злыдни въ пирьи обидрать,
Ввесь птычый ридъ зарепетуе:
Зузуля мьясо жре, зузуля хищный птахъ,
Троха чы не бажа вона Орла изъисты!
Прощай тогди, мое жытье въ садахъ!
Прыйшлось бы утикать хочь за море безъ-висты,
Такъ лучче жъ тута жить— да зводыть червячкивъ.»

Хто хоче полюбить судью грошо заплода,
Про іого розпытай панивъ,
А не пытай у простого народа.

V.

ВЕДМЕЖЫЙ СУДЪ.

Лысычка подала у судъ таку бумагу:
Що бачыла вона, якъ попеластый вилъ
На паньській вынныци пывъ, якъ мошеннык, брагу,
Ивъ сино и овесъ и силь.
Судьею бувъ Ведмидь, вовки булы пидсудки,
Давай воны іого по своіому судыть
Трохи не цилы сутки,
«Якъ можна грихъ такій зробыть!
Воно було-бъ зовсимъ не дыво,
Колыбъ винъ ивъ соби мьясыво,»
Ведмидь сердыто ставъ ревить:
— «А то винъ сино ивъ!» вовки завылы.
Вилъ що-сь почавъ-бувъ говорыть,
Да судьи ричъ іого зъ початку перебылы
Бо винъ сытенькій бувъ. И такъ опредилылы,
И прыказалы запысать:
Понеже вилъ прызнався попеластый,
Що винъ ивъ сино, силь, овесъ и всяки сласти,
Такъ за таки грихы — іого четвертовать
И мьясо розыдрать судьямъ на ривны части,
Лысычци-жъ ратыци оддать.»

VI.

ПШЕНЫЦЯ.

Я бачывъ, якъ пшеныцю мылы;
То що найкращее зерно
У воду тильки плысь, якъ разъ пишло на дно,
Половажъ, нависна, плыве соби по хвыли. —
Прывивъ мене Господь побачыть и панивъ:
Мовъ простый чоловикъ тамъ иншый Панъ сыдивъ,
Други, задравшы нисъ, роспрындывшись, ходылы.
И здумавъ заразъ я, якъ тильки поглядивъ,
Що бачывъ, якъ пшеныцю мылы.

VII.

СОНЦЕ ДА ХМАРЫ.

Ось сонечко зыйшло, и свитыть намъ и гріе,
И Божый міръ, якъ макивка цвите,
На неби чыстому генъ Хмара бованіе.
Та Хмара надулась и ричъ таку гуде:
»Що вже мени се сонце надоило,
Чого воно такъ землю веселыть?
Хочь я насуплюся, воно таки блищыть.
Я полечу іому назустричъ смило,
Я здужаю іого собою затемныть.
Дывлюсь, и Хмарамы пивнеба замостыло,
На сонечко мовъ ничью налягло.
А сонце выще пидплыло
И Хмары ти позолотыло.

VIII.

ГОРОБЦИ ДА ВЫШНЯ.

Глянь, глянь, летять, да ихъ летыть чымало,
Куды отце летять зъ осели Горобци?
Дывлюсь, у садъ побралысь молодци.
На Вышеньци ихъ геть-то насидало,
И бенкетъ заразъ пиднялы;
Цвиринькають, джеркочуть-знай на Вышни,
Изъранку самого до пизнои поры.
Я простый чоловикъ, то-й взявъ соби на мысли,
Що Вышенци моій предобре у саду,
Що ій превесело; бо якъ крый еи йду,
Або и такъ колы зырну у садъ изъ хаты,
Все зволять горобцы по гилечкамъ скакаты.
Ось тыждень якъ не бувъ, дывлюсь — катъ іого ма!
На Вышеньци гостей нема.
Чого-лышень воны литаты перестaлы?
Якъ розыбравъ, бо-дай и не казать!
Охъ! поты жевжыки вчащалы,
Поки вси ягоды на вышни обдзюбалы,
Теперь до биднои николы не летять.

IX.

БУДЯКЪ ДА КОНОПЛЫНОЧКА.

«Чого ты такъ мене, паскудо, въ боки пхаешь?»
На Коноплыночку въ степу Будякъ гукавъ,
— »Да якъ росты мени? и самъ здоровъ ты знаешь,
Що землю у мене съ-пидъ коринця забравъ.«

Бува и чоловѣкъ сіому колючци пара:
Людей товче, тай-жде, щобъ хто іого кохавъ.
Я бачывъ самъ такихъ, и може бъ показавъ,
Та цуръ іому — розсержу Комысара!

X.

ВЕРША ТА БОЛОТО.

Рыбалонька, мытець усе въ води ловыты,
Бажаючы поймать въюнывъ,
Въ Болото Вершу засторчывъ.
Довгенько щось вона тамъ мусыла сыдиты
Языкъ жиночый е, да ничого робыты,
(А зъ роду мабуть-то що не плоха була)
Такъ лаяты болото почала:
«Отце поганая багнюка!
Глянь, пузырится якъ, зъ-нечевья клекотыть.
Тутъ певнее нищо ни ходыть, и ни сыдыть
Одна черва, мовлявъ, кишыть,
Да де-колы повзе по кушыру гадюка,
Уже колыбъ тутъ воленька мени!...
Такежъ брыдке, таке мерзене,
Поржавило, видъ жабуру зелене,
Не хочется паскудытся въ багни
А тобъ.....»

Що жъ ій Болото одвичало?
«Де ты сама, добродійко?» спытало.
А Верша гомоныть на дни.

XI.

МАКИВКА.

У лузи Макивка весною зацвила,
Промежъ другихъ квитокъ, якъ жаромъ червонила;
До еи разъ-у-разъ лита бджола,
Бабокъ, метелыкивъ надъ нею грае сыла.
Пройшовъ день, два, и зъ неи цвитъ опавъ,
И макивка осыротила;
Бджола на иншій квитци сила,
Ту погань-метеливъ, мовъ бы лыхый забравъ.

Дивчыно серденько! жартуй, поки е время,
Жартуй, да не глузуй изъ бидныхъ парубкивъ;
А то мыне весна твоихъ годивъ,
Покине и тебе діяволове племя.

XII.

РОЖА ДА ХМЕЛЬ.

Охриме, дядечку! будь ласкавъ, схаменысь,
Ты чоловикъ и зъ хлибомъ и зъ воламы.
И грошыки у тебе завелысь.
Якій тебе лыхый изнисъ
И побратавъ зъ панами?
Покинь ихъ, хай имъ цуръ, изъ ными не водысь;
А то колы къ тоби ни заверны у хату,
Ты зъ благородіемъ сыдышъ за панибрата,

И чарка катержна гуляе по столи;
Чы то въ село лыхый примчыть якого
Панычыка, мовляють, судового,
Та сарана жыве на твоему добри.
Або и возный самъ, червоный нибы квитка,
Денькивъ по пьятеро кружляе у тебе,
А коней, каличи повнисинька повитка
Твое синце скубе.
Тимъ часомъ хлибъ давно у поли половіє,
Іого и птыця бье и витеръ марно сіе,
А дядько мій гуля;
Зъ письменнымы по чарци да по парци,
Останній шагъ вытрушуе шынкарци.
Ривнятся зъ нымы намъ самъ Богъ не позволя;
То сказано: паны, щобъ день удень гулялы,
А мы, неграмотни, щобъ хлиба зароблялы.
Охриме! не зробысь смиховыщемъ села,
Покинь, кажу, панивъ, водытся зъ нымы годи!
Ось слухай; у мене недавно на городи
Червона рожа зацвила,
И треба жъ на биду, крый неи хмель пустывся;
Изпершу гарно страхъ зъ сусидкою винъ жывъ.
Дывлюсь ажъ прыятель за гильку зачепывся,
А трохи зъ-годомъ глядь — всю рожу обповывъ.
И бидная вона змарнила,
Поблидла, дали пожовтила;
А проклятущій хмель, якъ рута зеленивъ.

XIII.

МОГЫЛЬНИ РОДЫНИ.

Ось чутка степомъ полетила,
(На що-то грихъ не пидведе),
Що у степу якась могыла
Дытыну швыдко прыведе.
Про дыво сее якъ почулы,
То люды заразъ въ степъ майнулы,
Старый и молодый къ могыли знай иде.
Крый Боже! народу якого тамъ зобралось,
Якъ объ Ильи въ Ромни.
Буцимъ тамъ мисце почыналось,
Де ни взялысь миняйлы й шынкари
И пиднялы межъ-себе галасъ,
Чумакъ изъ силью ставъ, изъ дiогтемъ дiогтяри,
И красты бублыкы шатнулы школяри,
Сластiоны шкварылысь, сидухы цокотилы,
Про лазаря старци пидъ кобзу голосылы,
«Холодный квасъ!» москаль межъ народомъ гукавъ,
Знечевья а базаръ въ степу якъ треба ставъ.
Хрещеный людъ хоча гуляе,
Та на могылу все разъ-поразъ позырае,
Чы швыдко вродытся те чадо степове;
Могила жъ стогне, мовъ сопѐ, мовъ тяжко дыше,
Бокамы сывимы колыше,
И зъ лыха на ввесь степъ реве.
Народъ дывуется, да исть, да пье горилку;
Вже паньськiй стадныкъ Опанасъ,
Покинувши товаръ, що пасъ,

Зъ кишени вытягнувъ сопилку,
Да якъ утне Московського бычка!
Пидкивкы заразъ за-бряжчалы,
Въ кружку дывчата танціовалы,
Москаль покынувъ глекъ, та садыть гоцака.
Ажъ ось лулусь! щось пидъ ногамы,
Загоготивъ якыйсь пидземный гласъ;
Базаръ утыхъ, бабы замовклы пидъ возамы,
Изъ ляку упустывъ сопилку Опанасъ,
И люды, христючысь, банькы повытрыщалы:
Могыла триснула, и те дытя, що ждалы,
На Божый свитъ сусиль, якъ пыть дало.
Та що жъ за чадо те було,
Що тильки гомину межъ намы наробыло?
— Мабуть пидсудокъ? — ни, — такъ левъ? — ни, —
такъ мишокъ
Зъ дукатамы? — ни, ни, — такъ папорти цвитокъ?
Але-жъ! — такъ, зъ намы Хрестна сыла!
Мабуть вона полубиса вродыла?
Не втявъ, — такъ вылыла козацького коня? —
Ни, просто прывела — руденьке мышеня.

XIV.

ЧОВЕНЪ.

Заграло, запинылось сынѣе море
И буйные витры по морю шумлять,

И хвыля гуляе, мовъ чорные горы
Одна за другою бижать.
Якъ темная ничка насупылысь хмары,
Въ тихъ хмарахъ, мовъ голосъ небесной кары,
За громомъ громы гуркотять.

Играе и пиныться сынѣе море.
Хтось човенъ на море пустывъ,
Бурхнувъ винъ по хвыли, ныряе на воли,
Отъ берега геть покотывъ;
Качается, бидный, одынъ безъ весельця.
Охъ жаль мени човна, охъ жаль мого сердця!
Чого винъ пидъ бурю поплывъ!

Ущухнуло море и хвыли вляглыся;
Пустують по пини мавкы,
Опять забилилы, опять простяглыся
По морю кругомъ байдакы;
Дежъ човенъ дивався, де плавле мій мылый?
Мабуть винъ не плавле, бо онде по хвыли
Биліють изъ іого трискы.

Якъ човнови море, для мене свитъ билый,
Из-малку здавався страшнымъ;
Да якъ заховатся? не можно-жъ викъ цилый
Пробуты зъ собою однымъ.
Прощай мій покою, пускаюсь у море!
И може не-доля и лютее горе
Пограются зъ човномъ моимъ.

*

XV.

ШКОЛЯРЪ ДЕНЫСЪ.

Мыряне, слухайте, щось маю вамъ сказать:
Отъ сихъ Роздвяныхъ святъ, на самои Меланкы,
Дурный школяръ Денысъ, запригшы шкапу въ санкы,
Изъ школы поспишавъ до батька ночовать,
Що бъ завтра по закону
Якъ слидуе пашнею засивать.
Пизнавши шкапа шляхъ до дому,
Смыкнула разъ, другый, и хлопця понесла.
Хоть здержавъ винъ іи, да злисть іого взяла;
Хотивъ бы проучыть, да быть іи боявся,
А треба-жъ и себе чимъ-небудь показать, —
Такъ по оглоблямъ ну малахаемъ шмагать.

Якъ тильки панъ изъ паномъ зазмагався,
Дывысь у мужыкивъ чупрыны вже трещать.

XVI.

СОНЦЕ да ВИТЕРЪ.

Изъ Витромъ Сонечко розгуторило мову
Про сылу, бачите, хто зъ ихъ моцнищый бувъ.
Звычайно за словцемъ балакалы по слову,
А дали Витеръ такъ на закладъ навернувъ:

«Чы бачышъ, иде генъ соби козакъ по полю.
Якъ цупко випъ напьявъ на плечи кобенякъ!
Хто зъ плечъ зырве іого до-долу,
Хай буде той уже моцакъ.«
—«Иносе, дмы соби«—такъ Сонечко сказало,
И Витеръ шпарко полетивъ.
На-двори дуже сумно стало,
По небу хмары скризь погнало,
А Витеръ по земли, крый Боже, заревивъ,
Палигъ на козака зъ іого одежу цупыть;
Зигнувся на кони козакъ,
 До себе горне кобенякъ,
Та знай нагайкою по ребрамъ шкапу лупыть.
Хуртовына назадъ бидаху пре,
За полы смыкае, видлогу зъ плечъ гирує,
Ажъ шляхъ курыть, трава въ степу хвылюе,
А все одежи не здере.
Дувъ, дувъ, ажъ питомъ ввесь облывєя,
Изъ моци выбывся, сердешный на бикъ плысь.
Ось разгулялося, и Сонце зъ хмары блысь,
Мовъ Божый міръ изнову народывся.
Козакъ парехрыстывся,
Кобылку заразъ зупынывъ,
Бо страхъ горіошну заморывъ.
Поплився стежкою, ходою, потыхеньку;
А сонце гріе все, да гріе помаленьку,
Угрило Божый свитъ, почувъ тепло козакъ,
Дай скынувъ кобенякъ.

XVII.

ГАЙ ДА СОКИРЫ.

По Гаю темному туга велыка ходыть,
Сокиры-й-топоры затіялы войну,
Гай хочуть сплюндровать и пущи вси пошкодыть
Война ся навела на дерево суму;
Дубы задумалысь, осыкы затрямтилы,
И кленъ гнучкый и вязъ изъ лыха въ нызъ нагнувсь.
Ажъ ось Сокыры вже въ гаю забрязкотилы,
И дубъ найстаршый усмихнувсь.
«Не бійтесь!» винъ гукнувъ — «того я и жахався,
Якъ зъ топорыщамы си нависни прыйдуть,
Ажъ деревянный ридъ жализа одцурався!
Безъ дерева воны самы насъ да не втнуть,
Отъ-то було-бъ.... але — нехай іому абыщо,
Якъ-бы зъ Сокырамы прыйшлы и топорыща,
Тогди-то бувъ бы намъ капутъ.»
И справди, скилько тутъ Сокыры ни бряжчалы,
Ни дубчыка, ни лыпкы не зтялы,
И тильки де-не-де що кору попысалы,
Да и до дому зъ тимъ пишлы.

XVIII.

В И Л Ъ.

»Мабуть на неби звистно стало
(Про себе Вилъ въ кошари гомонивъ)
Про те, що ввесъ мій викъ я все за двохъ робывъ,
Да-й вытерпивъ таки чы-мало;
Що въ плузи сылковавсь, копыци волочивъ,
Изъ-ранку у ярми до пивночи ходывъ,
Ище що-дня бувавъ и бытый!
Хозяина не разъ я проклынавъ,
Теперь зовсимъ не той хозяинъ ставъ:
У мене вдоволь исты-й-пыты,
Несуть мени и солы и крупивъ,
Овса и высивокъ наистысь темъ бы стало.»
Ажъ тутъ хозяинъ шасть у хливъ,
И взявши за рогы Вола, пидъ нижъ повивъ.
— Бо сказано, іого годовано на сало. —

Ты зъ-малку такъ любывъ мене, якъ пугу песъ;
Чого-жъ такъ лащешся теперь до мене, Йване?
Чы знаешь, що якъ ты чоломкатся идешъ,
Чого-сь мене морозыть стане.

XIX.

ГРИШНЫКЪ.

Въ далекій сторони, въ якій, про те не знаю,
Мабуть въ Нимещыни, а може и въ Китаи,
Хтось разомъ оженывсь на трехъ жинкахъ.
Загомонивъ народъ, почувшы грихъ велыкый,
Жинкы голосять такъ, що страхъ:
«Глянь, що се коять чоловикы!
Якъ имъ по тры насъ можна брать,
Такъ хай позволять намъ держать ихъ хочь по пять.
Гвалтують, сказано, на-впряжкы цокотухы.
Ось сяя висточка и до Царя дойшла,
А Царь бувъ, мабуть, не макуха,
Розлютовався винъ и злисть іого взяла.
«О! почекайте-лышь, не буде въ васъ охоты
За-живота чортамъ служыть!»
Царь гризно загукавъ и люльку ставъ палыть,
И въ люльку пхавъ огонь и люлька гасла въ роти,
А дали схаменувсь, за радою пославъ.
Якъ слидуе въ празнычному наряди
Предъ очи Царьськіи совитъ вельможный ставъ.
Царь двичи кашлянувъ, рукою усъ розгладывъ
И ричь таку премудрую сказавъ:
«Пребеззаконія на свити завелыся,
А гирше що въ моій земли!
Мени до устъ сіогодня донеслы,
Одынъ палывода (и Царь перехрыстывся)
На трёхъ жинкахъ женывся.

Щобъ царству цилому за іого не терпить
Биды одъ праведного неба,
Іого вамъ осудыты треба,
И смерть страшну іому зробыть.
Хай царству усіому въ науку
Винъ вытерпыть такую муку,
Щобъ зъ ляку бильшъ нихто въ такый не вскочывъ
грихъ
Крый Боже, щобъ надъ нымъ хто зъ васъ змы-
лосердывся
Щобъ луснувъ я, щобъ я до вечера сказывся,
Колы не поведу на шыбеныцю всихъ!»
Якъ ричъ таку судья дослухавъ,
Нызенько поклонывсь, потылыцю почухавъ,
И ну съ пидсудкамы про дило мызковать.
Надъ нымъ морочылысь трохи не тыждень цилый,
И тилько що пылы, а мало, кажуть, илы,
И такъ межъ-себе прысудылы:
Щобъ Гришныку тому всихъ трехъ жинокъ отдать,
Народъ сміявсь и вси булы въ заботахъ,
Що раду перевиша Царь,
Ажъ завтра дывлятся, а та погана тварь,
Той Гришныкъ самъ себе повисывъ на воротяхъ.

XX.

ВОРОНА и ЯГНЯ.

Орлу схотилось попоисты.
Пиднявсь у гору птычій Царь,
И вгледивъ видтиля, що крый ставка овчаръ
Онучи праты мусывъ систы,
Отара-жъ попаскы попхалась навманя.
Орлу се по-нутру, зложывшы моцни крыла,
Опукою зъ горы, ажъ витромъ зашумило,
Орелъ ушкварывъ на Ягня;
Пиднявъ його и геть потеребывъ за гору.
И треба-жъ, що на сюю пору
Пыло, биля ставка, дурне Вороненя.
Страхъ полюбылося йому Цареве дило,
И думае: «чому-жъ сього я не зроблю?
Да не ягня, а барана вхоплю.» —
Дывлюсь, воно у гору полетило
Дай — пуць на шыю барану,
И кикти впутавшы йому у вовну билу,
Смыкнулося несты, да ба! вага не въ сылу;
Баранъ важенькый и Орлу.
Воно вже стямылось, мерщій бы полетило,
Такъ изъ шерсти не выплутае нигъ.
Дурне моталося, покы овчаръ прыбигъ,
И гарненько йому обскубшы крыла,
На играшку дытыни давъ.

Мабуть, Господь такъ свитъ создавъ,
Що меньшый тамъ не втне, де бильшый геть-то
зможе;
Що дядькови пройшло, ты не робы, небоже,
Щобъ крылецъ хто не обчухравъ.

XXI.

ЗЛЫЙ КИНЬ.

Учора мій сусидъ купывъ соби Коня,
Изъ табуна, татарского, презлого,
Такого жвавого, такого вже баского!
Дывлюсь: сусидъ и вся iого семья
Уздечки ненапнуть на iого;
Сусидъ сусидивъ клыкать ставъ
И могорычь пообѣщавъ,
Щобъ тильки помоглы iому Коня упорать;
Народъ зыйшовсь, та гукъ такый пиднявъ,
Мовъ цилыну пять плугивъ орють.
А Кинь жахается, да рже,
На дыбкы спыныгся да грывою мотае;
То пиде бокаса, то бьется и кусае;
Котрый смилищый бувъ, то вже
Одъ Коныка тикае.
Прыйшлось сусидови, мовлявъ, хоть сядь дай
плачъ,
Ажъ дывлятся, ыде Петро Деркачъ,

Розумный чоловикъ и въ коняхъ сылу знае;
Ыде и здалеку, чупрыною кывае;
Прышовъ, и ввесь базаръ никчемный розыгнавъ
И смило до коня побрався потыхеньку,
Все свыстючы, повагомъ, помаленьку,
Все гладывъ, подывлюсь — уже и зануздавъ.

Паны! чы чулы, якъ Деркачъ коня поймавъ?

XXII.

МИРОШНЫКЪ.

На ричечци якійсь маленькій
Стоявъ соби млынокъ и въ нимъ Мирошныкъ жывъ;
Хочь не велычкый млынъ, да знаешь, чепурненькій.
Разъ-поразъ, день-у-день крутывсь и гуркотивъ
И хлиба выстачавъ хозяину чы-мало;
Колы ни забредешь къ Мирошныку, бувало,
У іого е и хлибъ, и силь, и сало,
Чы-то въ скоромный день—изъ масломъ буханци,
Кныши, вареныкы и всяки лагомынкы;
У пятныцю:—просилъ, зъ оліею блынци,
Пампушкы зъ часныкомъ, гречаныкы, стовбци.
Обидать винъ було не сяде безъ горилкы,
А въ праздныкъ пиднесе и чарку калганивкы
Мирошныкъ паномъ дило жывъ.

И требажъ на биду, позаторишню весну
Іого лыхый понысъ чого-сь за Десну.
Хочъ небагацько проходывъ,
За те багато бачывъ свита:
Побачивъ винъ, якъ Сеймъ мовъ бишеный шумивъ,
И якъ Десна ревла несамовыта,
Мабуть ворочавшы не пьятдесять млынивъ.
Вернувсь Мирошныкъ нашъ до дому,
До церквы прямо почухравъ;
Да Богу молытся Святому,
Щобъ винъ акаѳысты іого не въ гнивъ прынявъ
И ричечку іого зробывъ Десною.
Або хоча якъ Сеймъ, такою,
Тогди бъ-то вже я пановавъ!
Молебни день у день Спасытелеви правыть,
У Ставныкы свичкы по десять хунтивъ ставыть;
Все молытся, ни исть, ни пье, ни спыть.
Земляче! Богъ зъ тобою!
На тебе десь туманъ у Лытви навелы.
Хиба забувъ ты, що велыкою водою
Ворочаютъ велыкіи млыны.
Ихъ Нимци будовать уміють,
А вже не зляпае нашъ братъ;
Воны самы товчуть и віють,
И мелють борошно и сіють,
Сдается, що самы-й-идять;
А млынъ хочъ чепурный у тебе,
Та не для быстрыны.—«Балакайте про себе!«
Мирошныкъ заворчавъ и рукавомъ махнувъ.
Іого молытвы Богъ почувъ:

По небу витерокъ дмухнувъ,
Якъ воронъ небо почорнило,
Шварнула блыскавка, гримъ грюкнувъ и загувъ,
Изъ хмаръ, якъ зъ лотокивъ, водою зашумило.
Маленька ричечка, що такъ тыхенько йшла,
Заклекотила, заревла,
И черезъ греблю покотыла;
Якъ на осыци лыстъ, трямтыть млынокъ одъ хвыли,
Вода напре, дывысь, то выскочить гвиздокъ,
То паля триснула, то заставку розбыло,
А дали и знесло млынокъ.
Схопывсь Мирошныкъ, да пизненько;
Що покы йшла вода маленька,
Щодня винъ хлиба мавъ шматокъ.

Литъ зъ десять бувъ у насъ судьею Глыва,
Да знаешь, захотивъ на лакомый кусокъ,
Въ Пилтаву перейшовъ, тамъ кажуть, е пожыва;
Велыка тамъ вода хочь е й-багато млыва,
Глядить, добродію, чы вашъ мицный млынокъ?

XXIII.

ВОВКЪ и ОГОНЬ.

У лиси хтось розклавъ Огонь.
Було то въ-осены вже пизно;
Велыкый холодъ бувъ, витры шумилы ризно,
И была ожеледь и снигъ ышовъ лыбонь,
Такъ, мабуть, чоловикъ биля багаття грився,
Та идучы й покинувъ такъ іого;
Ажъ ось, не знаю я того,
Якъ сирый Вовкъ тутъ опынывся.
Обмерзъ, забовтався, мабуть трыдни не ивъ;
Дрыжыть, якъ мокрый хиртъ, зубамы знай цокоче;
Звирюка до огню пидскочывъ,
Пидскочывъ, озырнувсь, мовъ тороплений сивъ;
(Бо зъ роду вънерше винъ Огонь узривъ):
Сыдыть и самъ-соби радіе,
Що смухъ іого Огонь мовъ литомъ сонце гріе.
И ставъ винъ обтавать, ажъ пара зъ шерсти йде.
Изъ ліоду бурульки, що знай кругомъ бряжчалы,
Уже зовсимъ пообпадалы;
Винъ до Огню то рыло пидведе,
То лапу коло жару сушыть,
То биля поломья кудлатый хвистъ обтрусыть;
Уже огонь не ставъ іого лякать.
Звирюка думае: «чого іого боятся
Зо мною винъ якъ панибратъ.»
Ось ничка утекла, мовъ стало розсвитать,
Мовъ почало на свитъ благословлятся.

Пора, вовкъ думае, у лозы удырать.
Ну щобъ соби ытты! ни, треба попрощатся;
Скаженый захотивъ Огонь поциловать,
И тилько що простягъ свое въ багаття рыло,
А̀ поломья іо̂го дощенту обсмалыло.

Мій батько такъ казавъ: зъ панамы добре жыть,
Водытся зъ нымы хай тоби Господь поможе,
Изъ нымы можна исты-й-пыть.
А циловать ихъ крый̆ насъ Боже!

XXIV.

УТЯТА да СТЕПЪ.

Мынулыся гречаньи жныва;
Семенъ натягъ кожухъ на плечи;
Тепло пройшло, дитвора лизе къ печи.
Замерзло поле скризь, рилля, стерня, трава
Снижечкомъ биленькимъ прыпала.
Бидашный степъ ставъ сумовать;
Пташки, що въ литку такъ спивалы
У прай вже поодлиталы,
И тилько крый̆ ставка оставсь табунъ утятъ.
Чы крыжни то булы, чы то булы чирята,
Про те намъ бай-дуже, а сыла тилько въ тимъ,
Що степъ ище не бувъ пустый зовсимъ;

Дывлюсь було, знялысь зъ воды Утята,
Закахкають и ну Степомъ кружлять,
И выдно все таки, що сее не пустыня,
Ажъ ось уже-й-воны летять.
«Куды васъ врагъ несе до гаспыдьского сына!»
Почавъ Утятамъ Степъ казать. —
«Хыба вы хочете мене покынуть?
А яжъ васъ литомъ годовавъ,
И просо, и овесъ, и гречку выстачавъ!
Безъ васъ хыба мени зъ нудьгы сказытся?»
— «У литку на тоби усякый хлибъ стоявъ;
На себе глянь теперь, якый ты сывый ставъ,
Останній колосокъ холодный снигъ сховавъ,
И ничимъ намъ биля тебе жывытся.
А голодъ за що намъ терпить?»
Сказалы Утята, и ну швыдчій летить.

Чы знаете вы сывого Кондрата?
— Женывсь на дивци винъ, та-й мусыть ще крычать,
Що жинка щось іого глядыть недуже хаты.
Мабуть що упада ій диду одвичать,
Якъ сывому Степу одризалы Утята.

XXV.

РЫБАЛКА.

Хто знае Оржицю? а нуте обзывайтесь!
Уси мовчять. гай, гай! яки шолопаи!
Вона въ Сулу тече у нашій сторони.
(Вы, братця, все таки домивкы не цурайтесь.)
На ричци тій жылы батьки мои,
И панства чортивъ тыскъ, Васыль, Иванъ, Мыкола,
Народъ письменный страхъ,
Бувавъ у всякихъ школахъ,
Одынъ балакае на сотни языкахъ.
Арабську цыфыру, мовлявъ законъ Турецкій,
Все тямлють, джеркотять, якъ гусы, по-нимецьки.
Подумаешь, чого-то чоловикъ не зна!
Да не объ тимъ бачь ричь. Усю торишню зиму
Рыбалка ятеромъ ловывъ въ тій ричци рыбу;
Рыбалка байдуже, ажъ ось прыйшла весна,
Пригрило сонечко, и зъ поля снигъ погнало;
У ричку снигъ побигъ и Оржиця заграла,
И ятеръ граючы водою занесла.
«Ужежъ вона мени оттутъ сыдыть въ печинкахъ,
Ся ричка катержна,» Рыбалка ставъ казать—
«Куць-выгравъ, куць-програвъ, ось слухай-лышень, жинко:
Пиду я до Сулы скажену позывать!»
И розни де-яки казавъ сердега речи,
Изъ злости, якъ москаль, усячыну гукавъ;
А дали почепывъ соби саквы на плечи,

У люльку пхнувъ огню, ципокъ у рукы взявъ,
И ричку позывать — до ричкы почвалавъ.
Чы довго винъ ышовъ, чы ни, того не знаю;
Про те николы самъ Рыбалка не казавъ,
А тильки винъ дойшовъ, якъ слидуе, до краю;
Сула шумыть, гуляе по степамъ.
Рыбалка дывытся и очи протырае,
Не вирыть самъ своимъ очамъ:
Бо по Сули, чортыбъ ихъ мучывъ матерь,
Плывуть хливци, стожки, дижки усякый крамъ,
И бидного іого ныряе ятеръ.
Здыхнувъ Рыбалонька, да и назадъ поплывсь.
А що, земляче, пожывывсь?

Ось слухайте, паны, бувайте вы здорови,
Эге! Орхименько дурный:
Пошовъ прохать у повитовый,
Що обыдравъ іого нашъ пысарь волостный.

СОЛОВЕЙ.

»Хто не вгадае? я?
Отце городять небыльцю!
Щобъ не пизнавъ я Соловья,
Щобъ не пизнавъ сю гарну птыцю;
Якъ тилько окомъ наведу,

То и вгадаю, де спивака.»
Такъ дядькови казавъ небижъ, Грыцко Пидсака.
«Ходимо, я тебе до лису поведу,
Усякои тамъ птыци е багато.
Та буде соромъ, пане-брате!
Колыбъ ты Соловья изъ разу не пизнавъ.»
Грыцкови дядько одвичавъ.
И ось воны дойшлы до гаю;
По гаеви усякый птахъ литае,
Щебече хто, хто свыще, хто гуде,
Ажъ округы луна ыде.

Н е б и ж ъ.

Ось-озьде Соловей! якый червоногрудый!
А дмется якъ, мабуть велыкый панъ!
Уже-то не зъ-проста въ іого такый жупанъ.

Д я д ь к о.

Та годи, годи, Грыцку, буде
Ту погань Снигыря хвалыть!
Ся птыця не спива, а якъ усе щебече,
Вона въ гурти якъ небудь засвыстыть;
А бильше голову похнюпывшы межъ плечи,
Насупывшысь сыдыть.

Н е б и ж ъ.

Такъ цытьте-лышень, ось я заразъ угадаю
Я сучій сынъ, колы отце не винъ!
Увесь мовъ золотый, а крыльця чорни мае.

Д я д ь к о.

Та будешь, Грыцку, сучій сынъ:

Се просто иволга зовется;
Вона изъ саду въ садъ лита,
То вышни гарно объида,
То оббыва горохъ, а въ спивы не вдается.

Небижъ.

Такъ ось! колы побачывъ спивака,
Яка малiована, та штучна птыця,
Вертится, джеркотыть, по дереву скака, —
Отъ се-то Соловей.

Дядько.

Се нависна Сыныця!

И довго такъ небижъ дурненькый
Межъ птыцямы знаходывъ Соловья;
А Соловей соби сиренькый
Надъ нымъ спивавъ, сховавшысь межъ гилля.

КОНЕЦЪ.

СПБ.
ТОРГОВЛЯ
ЛИТЕЙНЫЙ ПР. № 55
ЛОЧКОВЪ.
АЖА
И
ПОКУПКА

